

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР СЕКТОРА ЭТИКИ

5 марта 2013 – 16:00

☞

О.П. Зубец

Нужен ли друг самодостаточному (об идее морального субъекта в этике Аристотеля)

Тезисы выступления

Небольшое вступление. Вопрос о дружбе рассматривается мной как способ постановки проблемы Другого в моральном пространстве, понимаемом как такое пространство, которое порождено единственностью морального субъекта, как пространство индивидуального ответственного поступка, совершаемого единственным автором. Уже излагавшееся мной ранее понимание морали как субъектности объясняет ту радостную реакцию, которую вызывают во мне идеи Ханны Арендт, изложенные в частности в двух статьях, недавно опубликованных на русском языке: я имею в виду «Некоторые вопросы моральной философии» и «Мышление и соображения морали». В них она, например, утверждает что «моральное поведение строится на общении человека с самим собой» – и именно таково понимание морали Аристотелем и Кантом. Кант, в ее понимании, ставит обязанности по отношению к самому себе впереди обязанностей по отношению к другим, его внимание сосредоточено не на Другом, а на самой личности, человеческом достоинстве и гордости. Звездное небо превращает меня в невидимую природную точку, тогда как моя самость позволяет мне противостоять этой уничтожающей вселенной.

Ни одно из известных моральных предписаний не может не обращаться к самости как последнему эталону: Арендт приводит в качестве примеров «Возлюби ближнего как самого себя», Золотое правило и кантовский категорический императив. Итак, Арендт говорит о самости как моральном эталоне – стало быть (это ее слова) об общении человека с самим собой. «Для Канта пребывание под воздействием чего-то, источник чего не находится во мне самом, моем разуме или моей воле, несовместимо с человеческой свободой».

Если в основе морали – самость человека, его общение с собой – человек морали единственен (он единственен и в логике Бахтина – как единственный, занимающий свое место в мире, как единственный в своей ответственности). И для Сократа важно согласие только с одним человеком – «со мной самим». Арендт подчеркивает значение «Я, один человек».

Идея Арендт заключается в том, что поведение человека по отношению к другим зависит от поведения по отношению к самому себе – а последнее воплощено в мышлении. Именно в мышлении человек раздваивается, оставаясь при этом единственным. Мышление противостоит познанию и решению практических задач, но служит иному.

Арендт повторяет и повторяет ту мысль, что мораль затрагивает индивида в его единичности (так в переводе, но точнее было бы сказать – единственности): для морали важно, что я решу относительно себя, а не то, что я разделяю с окружающими.

В мышлении человек один, обращен на себя, мышление устраняет мир и человек в нем раздвоен и единственен. Но мышление устраняет и поступок, обрывает его. Вопрос о раздвоенной единственности в мышлении и единственности в ответственном поступке – отдельная тема.

1. Отношение с собой – острейшая проблема античной мысли. Речь идет об установлении себя субъектом (словами М. Фуко). Ее современная интерпретация (в частности – диалога «Алкивиад I») распадается на две линии: заботы о себе, практик себя – с одной стороны (делающих Я объектом себя, а в результате – Другого), и установления себя в качестве абсолютного начала, в качестве великого (бытие субъектом): отличие этих двух позиций наглядно проявляется в интерпретации «Алкивиада I» Фуко, с одной стороны, и Библихиным – с другой. Вторая линия находит опору в античной идее самодостаточности и величавости (Уже в «Алкивиаде» герой предстает именно как великий духом и самодостаточный – причем в двух лицах: Алкивиада и Сократа). Самодостаточный понимается как тот, кто независим ни от чего, кроме самого себя, кто является началом своего поступка, своей жизни, кто сам себе закон, инициатор поступка, то есть по сути моральный субъект. Забота о себе по Фуко требует присутствия и вмешательства другого (образца, обучающего или Сократа, размораживающего понятия), она опосредована другим. В идее самодостаточности заключено стремление не зависеть ни от чего. (Оставим в стороне исторические обстоятельства, поясняющие причины такого стремления, они описаны в литературе). Забота о себе есть обращение взгляда на самого себя, самодостаточность – совершение поступка как исключительно своего. В идее самодостаточности важно, что это Я смотрю, Я мыслю, Я поступаю (с самим собой или с Другим).
2. Вопрос формулируется очень просто: нужна ли дружба самодостаточному человеку, которому «мало что нужно»? Наиболее остро и явно понятия самодостаточности и дружбы пересекаются в философии Аристотеля, именно они лежат в основе двух идеалов: Величавого как идеала добродетельного, поступающего человека, то есть человека в пространстве морали, и идеального полиса, основанного на дружбе. Поэтому Аристотель является главным собеседником при обращении к данной проблеме. Он дает ответы на вопросы, сформулированные еще в диалоге Платона «Лисид» (без упоминания этого диалога): Может ли быть дружба между самодостаточными? Любящий или любимый является другом? и другие. Для Аристотеля, как и для Сократа, вопрос о самодостаточности превалирует над вопросом о дружбе: именно она является основанием, из которого выводится возможность или необходимость дружбы. Интересно, что Сократ, считающийся Величавым, и жаждет дружбы и осознает ее невозможность.

3. Аристотель-философ против Аристотеля-ученого: одно замечание об особенностях восприятия аристотелевского текста о дружбе.

4. В «Большой Этике» Аристотель формулирует проблему прямо: «... будет ли нуждаться в дружбе самодовлеющий человек или нет?» (ММ 1213a 10). Он создает несколько образов идеального индивидуального самодостаточного бытия – это, в первую очередь, мудрец и бог (а также царь, блаженный, величавый). Мудрец и бог как осуществленная, действительная самодостаточность не нуждаются в друзьях и не имеют их, Величавый самодостаточен или стремится к самодостаточности, но при этом имеет друга. Кроме того, в качестве идеала самодостаточности Аристотель приводит полис, в рамках которого отдельный человек – часть, которой можно пожертвовать. Самодостаточному, который сам себе закон («...для такого рода людей и законов не нужно, потому что они сами – закон» (Pol. 1284 a 14)), нет места в полисе, но в то же время сам полис как дружба есть его порождение. Одно уточнение понятий: между безымянной добродетелью, проходящей на дружелюбие, и самодостаточностью нет напряжения, тогда как дружба, рождает зависимость и нужду, то есть разрушает самодостаточность, на первый взгляд.

Ключом к аристотелевскому пониманию дружбы может быть лишь следующий, акцентированно философский путь: от идеи избрания собственного бытия, бытия себя, а не другого в себе: «было бы нелепо отдавать предпочтение не жизни самого себя, а [чего-то] другого [в себе]» (EN 1178a 4). И друг избирается именно как бытие себя (EN 1170b 8). Но какого рода это бытия себя в друге? По Аристотелю, человек причастен бытию в деятельности – живя и совершая поступки. А с точки зрения деятельности создатель есть его творение и творцы любят свое творение по той же причине, что и свое бытие. Поэтому и друг любим, к нему испытывают дружественность именно в силу того, что он есть творение моего Я.

5. Избрание собственного бытия есть избрание собственного действия, поступка, именно в качестве собственного (обрываются все зависимости этого действия от чего-либо иного, кроме меня самого). Поэтому и значим для меня мой поступок, а не поступок другого (эта мысль присутствует в рассуждении о благодеянии). И в дружбе значимость имеет то, что Я дружу, а не дружим (в древнегреческом глагол «дружить» имеет и активную и пассивную формы, подобно слову «любить» в русском: не говоря о близости их смыслов). Для самодостаточного возможно лишь быть активным началом в дружбе. Далее: человек ценит собственное творение, и дружба подобна тому отношению, которое есть у отца к сыну. *Сюжет: отец – сын.* Дружба для Аристотеля и есть поступок, действие (ведь речь идет об активном дружении), он говорит: «Дружба – это действие, и у нее нет иной цели, кроме действия – любви, но только она одна» (ММ 1211b 32). В этом смысле дружба подобна игре на флейте, цель которой именно игра на флейте и более ничего. Аристотель указывает на то, что именно в силу того, что дружба есть действие, поступок, в ней один

есть деятель, а другой – произведение («отец всегда действует больше сына, потому что сын – его создание» (ММ 1211b 34). В основе дружбы-действия – благосклонность к своему созданию: «все бывают благосклонны к тому, что они сами создали» (ММ 1211b 35); Аристотель говорит это именно о дружбе, и, описывая ее как отношение отца и сына, задает ее именно как отношение деятеля и творения. И друг есть именно тот, кого мы любим как собственное творение, а творение есть мы сами, есть бытие поступающего: «с точки зрения деятельности ... создатель – это в известном смысле его творение, так что [творцы] любят свое творение по той же причине, что и свое бытие» (EN 1168a 8). И самодостаточный любит (дружит) друга именно как свое творение и свое бытие: «для каждого человека как собственное бытие – предмет избрания, так же или почти так и бытие друга» (EN 1170b 8).

6. Именно в рассуждении об отношении человека и делания, поступка, рассматриваемого как творчество, Аристотель проводит принципиальное различие между страдательным и активным началом в дружбе: «если чувство дружеской привязанности (*philesis*) похоже на делание (*poiesis*), то когда [к тебе] питают дружбу (*to phileisthai*) – [это похоже] на страдательность (*to paskhein*). Следовательно, те, у кого превосходство с точки зрения действия, будут «питать дружбу» и «проявлять дружбу»» (EN 1168a 20). (Вот еще одно, почти дословно совпадающее высказывание: «дружба состоит, скорее, в том, чтобы чувствовать ее самому (*to philein*), а не в том, чтобы ее чувствовали к тебе (*to phileisthai*)» (EN 1159a 27)). Величавый, самодостаточный и действующий, поступающий человек, имеющий очевидное превосходство именно с точки зрения действия, питает и проявляет дружбу, которая выступает для него в качестве его поступка, и это не противоречит его самодостаточности, но, наоборот, является ее адекватным проявлением. В таком случае дружба не порождает нужду в другом, зависимость от другого, но является формой деятельности и отношения к миру, порожденному Я и тождественному ему. Отношение к этому миру есть проекция отношения человека к самому себе: «все проявления дружбы из отношения к самому себе распространяются на отношение к другим» (EN 1168b 5). Именно различие деятельно-активного и пассивного дружения позволяет преодолеть несовместимость самодостаточности и дружбы: самодостаточный через дружественность ценит другого, но не впадает в нужду и зависимость от него в силу того, что сам этот другой есть его творение, его второе Я, о чем Аристотель говорит многократно. Таким образом, для величавого дружба есть форма отношения к самому себе и своему творению себя. Друга любят как свое творение, а так как бытийствование из возможности переходит в действительность именно в поступке и последний и есть бытие Я, то любовь к другу есть любовь к себе бытийствующему.

Аристотель говорит, что добродетельный человек нуждается в тех, кто примет его благодеяние (EN 1169b). Блаженный не нуждается в другом ни на основе полезности, ни на основе удовольствия. Единственная основа нужды в друге коренится в том, что блаженный живет и действует, поступает, для него жизнь есть предмет избрания. Далее

Аристотель рассуждает так: «добропорядочный относится к другу, как к самому себе (ибо друг – это второй он сам), – [если все это так], то для каждого человека как собственное бытие – предмет избрания, так же или почти так и бытие друга» (EN 1170b 5). Все те черты дружбы, который вычленяет в качестве существенных Аристотель при описании общепринятых представлений, все эти свойства дружбы «имеются у человека прежде всего в отношении его к самому себе» (EN 1168b 4). Именно в отношении к себе они находят свое основание, а затем «распространяются на отношение к другим» (EN 1168b 5).

Поставленный в «Алкивиаде» вопрос о том, что есть «свое» и находящий отклик в исходном смысле «филии» как своего, родственного, этот вопрос исчезает по той причине, что через Я «идет все» (В.Бибихин). Все бытие становится *своим* у Аристотеля – более того: именно как *свое* оно и становится бытием.

Аристотель повторяет, что все известные признаки дружбы «присутствуют в отношении доброго человека к самому себе, а к другу относятся как к самому себе (потому что друг – это иной [я сам]» (EN 1166a 30). И именно потому, что эти признаки присутствуют в отношении к другому, делается вывод, что дружба есть (См. EN 1166a 32). То есть, она есть тогда, когда человек относится к другому как к себе. Для Аристотеля, таким образом, безусловно исходным является отношение человека к себе: и это исключительно активная дружественность, задающая Величавого. Любое допущение взаимности в данном отношении, то есть в отношении к себе, разрушало бы идентичность и самодостаточность Я. И так как отношение к другому есть проекция отношения к себе, то в нем нет взаимности, это задающее, творящее отношение.

Мораль есть форма уединения человека, в котором он избирает себя, свое бытие, и этот выбор есть выбор не человеческого, а божественного в себе – то есть не того, в чем я являюсь частью социально-природного мира, и даже полиса, а того, в чем я выхожу за его пределы. По сути, речь идет о том, что я не принадлежу пространству детерминированности, но устанавливаю себя как божественное – то есть как причину (недвижную причину, «недвижный двигатель» – которая и есть субъект): я задаю себя в качестве субъекта. В отношении другого я могу быть субъектом только включив его в мир в качестве собственного творения и взяв ответственность за него, как и за весь мир. Друг порождается тем, что я совершаю поступки, что я одариваю его собой. И так Величавый остается субъектом, самодостаточным, и имеет друзей как воплощение этой самодостаточности и субъектности.

В «Большой этике» Аристотель приводит распространенное выражение «У нас с ним одна душа», которое обычно говорят о большом друге. Но Аристотель сразу же применяет его к дружбе с самим собой – «”одна душа” будет тогда, когда придут в согласие разум и чувства (таким путем она станет единой); и, если в душе будет единство, наступит дружба с самим собой» (MM 1211 32). Очевидно, что для Аристотеля представляет особый теоретический интерес – разговор о друге он сразу же переводит на проблему дружбы с

собой. Собственно, самодостаточность и есть лад с самим собой, который ставит под сомнение нужность и возможность дружбы.

Аристотель не видит в общеупотребимом выражении идею о слиянии двух душ (это было бы недопустимо для Величавого), но именно мысль о единственной душе добродетельного человека, приобретающей форму друга.

Избирать в себе бытие себя, а не другого в себе есть задание себя как автономного субъекта – это фундаментальное основание этики, сформулированное и персонифицированное в образе Величавого Аристотелем. И друг существует как форма этого избрания себя, как второе Я, как общественное бытие человека морали, которое в иной оптике было бы для него небытием.

7. *Сюжет: второе я и зеркало.* Сюжет о зеркале мы находим в «Алкивиаде» и «Большой этике»: зеркалом оказывается божественное в нас у Сократа, а у Аристотеля смешным оказывается бог, рассматривающий себя в зеркале: но и бог и человек видят в нем именно себя. Когда человек видит себя отраженным в друге, он смотрит именно на себя, на свою проекцию в мир, на того, кого он активно «дружит», собственно он видит свой поступок, который тождественен ему, есть его бытие. Вряд ли возможно интерпретировать сюжет с зеркалом в духе идеи взаимности.

8. *Дружба как полис.* Аристотель в IX главе «Никомаховой этики» выстраивает такое рассуждение: если жизнь есть предмет избрания и добродетельный человек избирает собственное бытие, то он избирает и бытие друга, так как друг – второй он сам и он относится к нему, как к себе. Но чтобы чувствовать в себе существование друга, нужна жизнь сообща, общность речей и мыслей: так добродетельный человек, избирая бытие, порождает полис (EN 1170b).

Обращаясь к проблематике дружбы, Аристотель выводит ее именно из отношения человека к себе, а так как дружба есть основание полисного существования, то в данном рассуждении поступающий человек прорывается сквозь свое индивидуальное существование и, оставаясь единственным в своей субъектности, творит полисное бытие как свое – как «жизнь сообща и при общности речей и мысли» (EN 1170b12). Он задает полисную жизнь в качестве собственной жизни, собственного бытия, и потому она для него есть форма отношения к самому себе. И именно в силу того, что человек в отношении себя правдив и открыт, так как само это отношение основано на устранении всего, что ограничивает его субъектность (потому Величавый и определяется Аристотелем как презирующий – то есть исключаящий все, что могло бы заставить его быть не самим собой, не прямым, не парресийным) – полис как развернутая форма Я основан на тех же формах бытия в речи и мысли. «Жизнь сообща» – не выпас на одном и том же месте, по выражению философа: она есть бытие человека, задающего себя в качестве основы, источника бытия. В полисной жизни воспроизводится отношение человека к самому себе, к своему второму Я, воспроизводимому в поступке (и действии и

речи – так как и то и другое есть поступок). С точки зрения Величавого (то есть в философски задаваемом идеальном пространстве морали), в оптике морального субъекта сам полис есть отношения дружбы, а дружба – отношение человека с самим собой, развернутым в мир. Тогда самодостаточность полиса есть осуществление самодостаточности человека. Самодостаточность возможна исключительно как бытие в качестве основания мира, порождающего его начала, тождественного самому этому миру, а не как оторванность и отделенность. В последнем случае зависимость от мира всегда будет разрушающей для самодостаточности, тогда как в первом отношении с ним являются воспроизводством самой этой самодостаточности, так как есть отношения с самим собой. Невозможно быть самодостаточным в качестве *единичного* существа, но лишь в качестве *единственного* существа, охватывающего собой все пространство бытия. Единичное существо принципиально неполно и лишь в полисе обретает полноту – в взаимосвязанности с другими людьми. Но единственное существо включает полис в себя, задает его как способ своего существования.

В двух типах дружбы, не являющихся подлинными, согласно Аристотелю, человек удовлетворяет свою потребность в удовольствии и помощи: хотя речь идет о его собственных нуждах и устремлениях, но именно таких, которые лишают его самодостаточности, выражают его зависимость от мира, так как удовлетворить эти нужды он может лишь с помощью других людей или вещей. Поэтому неподлинная дружба разрушает самодостаточность, выражает ее отсутствие. Иное дело – дружба, основанная на добродетели, то есть дружба в пространстве морали, особенность которой именно в том, что она основана на отношении человека с собой и к себе в полноте собственного Я. Эта дружба воспроизводит отношение к себе и распространяет его на второе Я как порождение собственного поступка: это дружба, не только не разрушающая самодостаточность, но, наоборот, тождественная ей.

Философское понятие дружбы у Аристотеля основано на трех «преодолениях» обычного представления о дружбе: исключение полезности означает, что дружба есть отношение (действие), содержащее свою цель (ценность) в себе; обоснование предпочтения активного дружения означает, что дружба есть действие, поступок, произведением которого является друг, а ядро понятия – идея о дружбе с собой, порождающей дружбу как полис. Все эти положения воспроизводят идею дружбы именно как основанную на добродетели. Отношение с собой задает и содержание морали: то, что невозможно, абсурдно по отношению к себе, невозможно и по отношению к другу: невозможны ложь и убийство. Видение мира и другого как своего бытия, как собственного творения и распространение на него отношения к себе не только не может быть основой эгоизма, но является основой его отвержения: эгоизм невозможен в отношении к самому себе. Так философский взгляд в оптике единственности субъекта достигает предельной универсальности и охватывает человеческий мир именно в его человеческой, не-вещной сути.

Друг есть такое порождение моей способности вести деятельный образ жизни, которое переводит возможность поступать в действительность поступка, действие в физическом вещном мире в действие в человеческом пространстве, в полисе. Друг есть порождение способности поступать, быть деятельным, в основе которой лежит такое отношение с собой, которое есть подлинная дружба и одновременно явленность самодостаточности.